

О. Слободчиков
Похабовы и их время.

Было время! Иркутяне перед красноярцами куражились, называя себя сибирским Петербургом, и бытовало мнение, что Красноярск – город ремесленников, а Иркутск – город художников.

Но, в Красноярске, задолго до иркутского памятника казакам, был поставлен памятник основателю города дворянину Андрею Дубенскому, а в Иркутске до сих пор продолжается интеллигентский треп о моральном облике Ивана Ивановича Похабова, да спор о родстве его с Яковом Иванович Похабовым, заложившим Иркутский (Яндашский) острог.

Не повезло Иркутску с его образованной прослойкой. Потомки ремесленников оказались проворней и патриотичней. По давней традиции, заведенной еще в XVIII веке европейцами, служившими в Российской Академии, все плохое и сомнительное о русском народе у нас принимается на веру с полуслова, а все хорошее и героическое нужно дотошно доказывать. Впрочем, механизм осуждения прошлого и национального саморазрушения был запущен задолго до них.

Как мне представляется незаслуженными намеками, туманными обвинениями до сих пор принижен образ первого известного строителя зимовья на Дьячем острове, строителя Култукского острога, первого служилого человека, побывавшего в Забайкалье, сына боярского, казачьего головы (полковника) Ивана Ивановича Похабова. Следом за ним, призрачная тень сомнений брошена и на сына боярского Якова Ивановича Похабова, строителя Иркутского острога.

К сожалению, фрагментарное изучение истории России в школах и вузах, столичный снобизм по отношению к истории Сибири на ученом уровне, не лучшим образом сказываются на самосознании сибиряков. Хотя, казалось

бы, все соглашаются с известным правилом: «Кто владеет прошлым, тому принадлежит будущее».

Кроме фундаментальной «Истории Сибири», изданной Академией наук СССР, в XIX-м и XX-м веках, за два последних века нашей сибирской истории, было написано больше десятка «Историй Сибири». Среди них есть труды потомственных сибиряков. Но, почти во всех этих книгах об Иване Похабове повторяется приставшая к нему сентенция, дескать, даже на фоне обыденной жестокости XVII века, жестокость Ивана Похабова производит впечатление. Сомнительно уже то, что россиянину, жившему в XVII веке, XX век показался бы гуманным. Но это отдельный разговор.

Мнение об Иване Ивановиче Похабове впервые письменно изрек на немецком языке Иоган Фишер, российский ученый XVIII века. В переводе на дворянский жаргон русского языка того времени, он написал: «В 1658 год для жестокости балаганского управителя Ивана Похабова произошло всеобщее между тамошними Бурятами возмущение, которые, убив присланных к ним Россиян, из своей земли разбежались». И это все: никаких пояснений, никаких ссылок и описаний жестокостей у Фишера нет. В другой раз он так же лаконично и ошибочно называет Ивана Похабова строителем Иркутского острога. Между тем, вот уже больше двухсот лет это суждение кочует из одной исторической работы в другую, его повторяют, не перепроверяя, не задумываясь, на каком основании оно было сделано.

Для читателей, далеких от исторической науки поясню: в XVIII веке, по заданию правительства и под покровительством, всеильного тогда графа Разумовского, ученый Санктпетербургской Академии наук Герард Миллер собрал все известные сведения и материалы о Ермаке, затем проехал по острогам Сибири и сделал копии хранившихся там документов.

Часть списков он опубликовал в приложениях к своей «Истории Сибири». Его книги по большей части трактуют и объясняют эти, скопированные им документы. Но «История Сибири» Миллера заканчивается на событиях, относящихся к началу русского периода Восточной Сибири. Документы

приложений к ней не упоминают ни о строительстве Иркутска, ни об Иване и Якове Похабовых. Опубликованы собранные документы были частично и выборочно. А подлинные списки, сделанные ученым и, благодаря ему, сохранившиеся, хранятся в госархиве Санкт-Петербурга, в фонде «Портфель Миллера»

Другой ученый немец того же века, тоже член Санктпетербургской Академии наук, профессор древностей и истории, Иоганн Фишер, написал пятитомную «Сибирскую историю ... сочиненную на немецком языке» и в 1774 году изданную...»,

В отличие от современника и предшественника, профессора Миллера, Фишер не ссылался ни на какие источники, излагая свою версию нашей истории. И если о жестокости Ивана Похабова он упоминает бездоказательно и мимоходом, то о жестокости Василия Колесникова или Ерофея Хабарова пишет довольно обстоятельно.

Писал Фишер свою историю Сибири не по догадкам и не по наитию, но, явно, использовал портфель Миллера. Приказчика Братского острога Ивана Похабова он называет «балаганским управителем», что, кстати, часто повторяется в работах современных историков. Основанием для нелестного высказывания об Иване Похабове для Фишера послужили, видимо, списки с трех челобитных, отправленных Енисейскому воеводе с жалобами на приказчика Братского острога Ивана Похабова. Эти жалобы в современной орфографии опубликованы в «Сборнике документов по истории Бурятии XVII век», Улан-Уде, в 1960 году, в книге редкой, но доступной..

Случай с Иваном Похабовым: когда на приказчика одновременно жаловались служилые, пашенные крестьяне, ясачные мужики и даже поп – случай редкий, но, что же, все-таки, там произошло?

Поп жаловался, что приказчик отобрал у церкви дом, который подарил ей зимовавший в Братском остроге Афанасий Пашков. Служилые жаловались на жестокость приказчика, пашенные – на поборы, ясачные – на грубость.

Как мне представляется, для профессиональных исследователей и любителей истории, которые знают обычный

стереотип «наказной памяти» воеводы приказчику в XVII веке, вполне понятно, что в действиях Ивана Похабова, не было каких-либо должностных преступлений.

Глава забайкальской экспедиции, перезимовав в Братском остроге, подарил церкви свои дома, построенные в отдалении от укрепленных стен. Следующей зимой, при приказчике Иване Похабове, в улусах убивают трех сборщиков ясака, а ясачные роды ведут себя вызывающе. Во время этой смуты приказчик отобрал у попа дома, и их материалом укрепил обветшавший Братский острог. Благодаря жестким, но разумным действиям Ивана Похабова, весной 1658 года, (когда жалобы были уже тайно отправлены в Енисейск), острог выдержал осаду многочисленного войска.

Жалобы пашенных людей могли вызвать у воеводы того времени только усмешку. Они писали ему, что Похабов вымогал с них то овцу, то корову, у одного забрал икону, которую он нес на Илимскую ярмарку для продажи «по бедности своей». Отправляя приказчика на службу, воевода письменно наставлял его следить, чтобы крестьянин не пропивал, не продавал государеву ссуду, не отлучался от дома без разрешения, тем более, на ярмарку.

Как и положено приказчику, Иван Иванович не позволял пашенным людям пропивать данное им на «завод» государево имущество и отлучаться на ярмарку. Более того, как приказчик острога, при котором были государевы пашенные люди, он не получал жалованья, но был на прокорме у крестьян

Москва и Сибирский приказ требовали в то время от воевод и от приказчиков «план» по рухляди. И Похабов «на приказе в Братском остроге» обязан был собрать ее больше своего предшественника, «с прибылью». Он требовал с ясачных, как с него требовали и воевода, и Сибирский приказ, по пять-семь соболей со взрослого мужчины, а не сколько дадут, как было заведено в прежние годы.

Насколько необременителен был ясак можно судить по тому, что средний конь стоил пятнадцать соболей, а коней каждый степняк имел множество. То, что князцы родов принесли приказчику вместо оговоренной рухляди плохих лис было с их

стороны обычным для того времени вызовом казакам и предтечей нападения на острог. Это понимали и служилые люди и сами ясачные. И все же они подали жалобу, организованную кем-то из казаков, обиженных приказчиком.

Казаков Иван Похабов, как и положено приказчику, удерживал от драк, от пьянства, от игры в зернь и в карты. Судя по тем же жалобам, он нечаянно застал своих служилых во время драки, поножовщины и запрещенных игр.

Единственное, выходящее за обязанности приказчика преступление – это обвинение в том, что «имал на послелю чужих жен». Но без этого обвинения не обходилась ни одна жалоба того времени и не потому, что все приказчики страдали чрезмерной потенцией, а потому, что такие преступления были не доказуемы. По справедливому замечанию известного историка Д.Я. Резуна, в XVII веке уж если писали жалобу в Сибирский приказ, то так, чтобы у читающих его дьяков волосы вставали дыбом. Иначе на нее не обращали внимания.

Примерно в то же время в Сибирский приказ подавались жалобы на Ерофея Хабарова, на казачьего голову Афанасия Пашкова, чуть позже на приказчика того же, Братского острога, Кафтырева. В сравнении с жалобами на Похабова они, действительно, производят впечатление. Но почему именно Ивана Ивановича Похабова историки XIX и XX веков избрали в качестве образца жестокости «дикого» XVII века?

На случайную, скорей всего, оговорку о Похабове И.Фишера, возможно, подтолкнуло то, что Е.Хабаров во время работы над книгами был прославлен, как герой Сибири. Приказчик Кафтырев, неизвестно как получивший чин сына боярского, да и саму должность, был греком – европейцем. При «евроцетризме» бытовавшем в умах образованных людей XVIII - XIX веков самый захудалый европеец в России – был лучше русского человека. (И. Фишер, и Г.Миллер, проживая в России и будучи в ней на службе, боролись за то, чтобы русских детей в Академию не принимали!) Афанасий Пашков был разрядным дворянином по московскому списку. Дворянский чин в XVII веке был еще просто чином, а не сословием. Но во времена работы Фишера над «Сибирской историей», российское дворянство почти сравнялось

с европейским и получило исключительные сословные и потомственные права.

Таким образом, самый скромный в своих донесениях и челобитных, до похода к монгольскому царевичу самый малооплачиваемый среди енисейских сынов боярских, Иван Похабов стал символом русского зла в Сибири.

Не пытались оправдать Ивана Похабова и в «рабоче-крестьянском» XX веке, в котором советские историки провели грандиозную текстологическую работу. Да, они работали в жестких условиях идейной цензуры. И более того...

Мне очень не хотелось упоминать в контексте статьи имя нашего сибирского ученого историка и подвижника Алексея Павловича Окладникова, который внес огромный вклад в историческую науку Сибири. Но из песни слово не выкинешь. Нынешние непримиримые борцы за честь покоренных народностей Сибири, по большей части опираются на его высказывания об Иване Похабове.

Очерки А.П. Окладникова по истории западных бурят-монголов, были напечатаны в 1937 году. На мой взгляд, это самые слабые и самые заидеологизированные из его работ. В других статьях я не помню такого обилия цитат классиков марксизма и укоров в адрес дореволюционной России. Никаких новых фактов в образ Ивана Похабова ученый не внес. Он просто дотошно расписал и чувственно акцентировал внимание читателей на тех же самых челобитных, о которых сказано выше. При этом автор постоянно оправдывался, что имя Ивана Похабова избрано им случайно, как «типичного русского завоевателя», что ничем не лучше его были атаман Иван Галкин, пятидесятник Василий Колесников, Курбат Иванов, Пашков, Кафтырев и другие колонизаторы помещичьего царизма.

Незадолго до 1937 года, кажется в 1934-м, великий вождь изрек очередную мудрость, дескать, русский народ в неоплатном долгу перед всеми другими, угнетенными царизмом, народами России. А время было особое, когда именитые ученые попадали в лагерь только за то, что публично не восхищались тем или иным высказыванием вождя, публично не выражали ему своей личной преданности. Можно ли из нашего времени осуждать ученых,

шедших на сделку с совестью, чтобы сохранить жизнь? Можно ли ссылаться на подобные их работы в поисках истины в наше время? Об этом решать и судить каждому в отдельности.

В целом Советская власть не объявляла сибирских казаков эксплуататорами и врагами классовой борьбы за светлое будущее. А в 1942—1945-м годах, при том же самом вожде, за публикацию подобного взгляда на историю Сибири можно было схлопотать расстрельную статью, поскольку в тяжелом послевоенном 1948-м широко и затратно праздновалось трехсотлетие плавания С.Дежнева с устья Колымы на Анадырь. Всему свое время.

Между тем, судя по несерьезному лепету, которым современные авторы статей об Иване Похабове пытаются навязать сибирякам нелестный образ «завоевателя» и «завоевания», Ивану Ивановичу «шьют разжигание национальной розни». Вот где собака зарыта! И в Российской империи, и в СССР, и в демократической России, русскому человеку такое преступление не прощается.

Видимо, нужна была царским и коммунистическим идеологам историческая личность русской национальности, которую дозволяется ругать. И она нашлась. Для доказательства вины отца нашего города используются даже записи фольклориста Элиастова. В 30-х годах XX века он записал на Ольхоне воспоминания **забайкальского** бурята, предки которого триста лет подряд, из поколения в поколение, передавали в виде преданий память о жестокости Ивана Похабова (видимо, о его походе на Селенгу). Хотя, как известно по записям того же Г. Миллера, в XVIII веке в Сибири ни сибирские татары (тюркоязычные мусульмане), ни сами монголы даже о Чингизхане не помнили. Можно ли в таких серьезных обвинениях доверять «фольклору»? Смешивание слухов и фактов, подтвержденных документами, по меньшей мере некорректно

А на основе версий и домыслов современные художники услужливо выставляют картины о насильственном крещении И. Похабовым аборигенов в проруби. И т.д.

Георгий Борисович Красноштанов, киренчанин, историк, работающий в Московском архиве, издал три книги, уникальные по точности факта и по новым, найденным им документам: «Никифор Романов Черниговский» и «Ерофей Хабаров», «Ленская пашня».

От Георгия Борисовича, посвятившего жизнь изучению истории Сибири, знаю, что в госархиве, в фонде «Сибирского приказа», много челобитных, грамоток и наказных памятей Ивана Похабова. Но основатель Иркутска остался в стороне от поисков Красноштанова - слишком велика наша история, одному человеку всего не охватить.

Москвичей она не интересует, зажиточные иркутяне, живущие в столице, историей нашего города не занимаются, а рядовому иркутскому подвижнику, писателю или историку, долгосрочная поездка в Москву, проживание и работа в столице, так далеко не по карману, что надеяться не на что.

Но, благодаря сибирякам-подвижникам, и Георгию Борисовичу – потомку первых ленских поселенцев, некоторые, отрывочные, сведения есть и у нас. И прежде, чем слепо доверяться фразе, брошенной ученым гостербайтером XVIII века, давайте рассмотрим, что же происходило в Восточной Сибири во времена правления Ивана Похабова Приангарьем?

В начале пятидесятых годов русское население острогов Приангарья было потрясено рассказами Ерофея Хабарова и его соратников о Даурских землях. В 1653-м Хабаров ехал в Москву, в сопровождении конвоиров-приставов, через Илимский и Енисейский остроги. Он сам рассказывал о Даурии красочней своих товарищей, а его богатые одежды были лучшим свидетельством слов.

Служилые, пашенные, промышленные и гулящие люди побежали на Амур малыми ватагами и отрядами в несколько сотен, как полк «воровского атамана Михайлы Сорокина». Русская Сибирь опустела. Воеводы ставили казачьи заслоны на пути беглецов, уходили и заслоны. В острогах в службу верстались все подряд, главным условием при крестоцеловании было «не бегать в Дауры».

В середине 50-х годов XVII века, после очередного охлаждения отношений с монгольским Алтынханом, отписками того времени отмечается в Братской степи множество «мунгальских людей» торговых и воинских. В Приангарье началась массовая откочевка бурятского населения за Байкал и в Ургу, чему поспособствовала очередная война енисейцев с красноярцами, межволостные разборки казаков, грабежи бегущих в Даурию ватаг, и, главное, антирусская политика Лоузана, сына старого Алтынхана.

Балаганский острожек в 1655-м году осаждался «братами». В 1656-м в Братском остроге произошел бунт: пашенные и служилых, захватив оружие, бежали в Даурию.

В 1657 умер Алтынхан, трижды принимавший подданство России. Своей смертью он развязал руки сыну. С большим войском Лоузан подходил к Томску. Монголы отовсюду зазывали к себе бурят и тунгусов-эвенков. На Оке, и в Братской степи даже среди верных ясачных родов начались беспричинные смуты.

В том же, 1657 году, по пути в Забайкалье, в Братском остроге зимовал бывший енисейский воевода Афанасий Пашков. Описание жестокости этого человека протопопом Аввакумом, действительно «производит впечатление». Если неистовый старообрядческий апостол что-то и преувеличивал, то сам факт, что из 600 казаков, уходивших строить Нерчинский острог, в живых осталась полусотня, а добрый десяток из них был до смерти забит кнутами лично Пашковым, такой факт в то время, «произвел впечатление» и на царя, и на Сибирский приказ.

Известно, что ясачные люди Братского острога примерно в это же время побежали с мест своих кочевий, хотя, вскоре частично вернулись.

И в этот, самый трудный для Братского острога год, приказчиком в нем был поставлен И.И. Похабов. Тогда же, на него были поданы челобитные жалобы, о которых говорилось выше. Твердой рукой он навел порядок в Братском остроге и укрепил его. С поданных острогу бурят, эвенков и карагасов сумел взять ясак полностью.

Весной острог был осажден большим войском бурят и монгол, но выдержал осаду. Челобитные с обвинениями приказчика были

отправлены до осады, видимо, вместе с просьбой Похабова о воинской помощи и об опасности нападения, но втайне от него. Получены они были новым енисейским воеводой Максимом Ртищевым.

Воевода отправил в Братский острог смену казаков и приказчика, сына боярского Якова Тургенева, с тайным приказом сопроводить Похабова в Енисейский острог для разбирательств по жалобам. В отряде находился Иван Перфильев, сын ближайшего товарища Похабова, возможно, крестник Ивана Ивановича, один из первых иркутян, человек, в дальнейшем, широко известный своей порядочностью и честностью.

Телефонов, как известно, в то время не было. Отряд Якова Тургенева мог идти на перемену, ничего не зная об отбитой осаде Братского острога. На месте сын боярский Тургенев должен был во всем разобраться, но он не отменил воеводский приказ, то ли потому, что не желал спорить со старшим по должности, то ли по иным причинам.

Бояре Ртищевы при царе Алексее Михайловиче Романове занимали высочайшие государственные посты, но попали в опалу за верность старообрядчеству. Для человека этой фамилии, (если Максим Ртищев был родственником боярам Ртищевым) его посылка в Енисейск была ссылкой и наказанием. Сын боярский Яков Тургенев, тоже был в опале, за предыдущие служебные неудачи.

Здесь, наверное, и кроется отгадка, почему тот и другой желали тайно арестовать Ивана Похабова и повезли его с приставами в Енисейский острог. И воевода, и приказчик прекрасно понимали, что собрать ясак в том количестве, в котором собрал его Иван Похабов, они не смогут. На какое-то время можно было оправдать себя, обвинив в этом прежнего приказчика, якобы, виновного в откочевке бурят. Жалобы на него имелись.

Оправдания эти были временными, но пока тянется разбирательство и переписка с Москвой, тот и другой должны были поменять места службы и избежать гнева царя: дольше двух лет воеводы и приказчики не одном месте не засиживались.

Немолодого уже и заслуженного Ивана Похабова не могла привлекать перспектива сидеть в яме, и ложиться под кнуты,

доказывая свою невиновность. Кто-то сообщил ему о том, что его ждет в Енисейске. Скорей всего это был Иван Перфильев.

Иван Иванович бежал в независимое от Енисейска Илимское воеводство. И действительно, вскоре был оправдан и властью, и своим окружением, но до сих пор остается под незаслуженным обвинением потомков, в первую очередь – иркутян.

При приказчике Тургеневе из Братской степи откочевали последние ясачные роды бурят. Политическая обстановка на востоке Сибири была сложной. Забайкальские монголы платили дань китайскому богдыхану. Китай был на грани очередного развала, завоевания и смены монгольской династии императоров, маньчжурской династией. Свободна, крепка и независима в то время была только Русь. И, как бы не относился царевич Лоузан к России и к казакам, больше, ни ему самому, ни бурятам, опереться было не на кого. Особенно остро эта проблема должна была встать после смерти Алтынхана, когда началась междоусобица среди монгольских царевичей. И Лоузан прекратил воинские нападения на остроги, отправил к русскому царю свое посольство и вскоре принял присягу, подтвердив клятвы отца.

Посольство было отправлено в самом немирном и конфликтном 1661 году, в том самом, когда казаками Якова Похабова был заложен Иркутский острог. На том все прежние разногласия с бурятами и монголами закончились.

В Иркутске бытует мнение, что Похабовы: Яков, строитель Иркутского острога, и Иван, строитель зимовья на Дьячем острове не были родственниками. Но, передавать фамилии по наследству заставила казаков именным указом Екатерина II через век после описываемых событий. До того фамилии передавались в среде крестьян, имевших «данную» на землю, и среди тех сословий, которые передавали по наследству недвижимое имущество. Даже предки царей Романовых в течение XV – XVI веков три раза меняли фамилию. До недавнего времени по сибирским деревням сказать фамилию – ничего не сказать. Тут же спросят, чей ты? То есть кличку родителей. Поскольку полдеревни жителей носили одну фамилию.

О том, что даже служилым родственникам в одном остроге под одной фамилией было «тесно», видно из многих исторических примеров. Кстати, упомянутый известный сын боярский Иван Перфильев подписывался и назывался Иваном Максимовым, поскольку и он и отец его служили в одном чине сынов боярских и в одном остроге, «в одном окладе». Даже братьям служить под одной фамилией в одном остроге было невозможно. Как видно из окладных книг, хотя бы одному из них присваивалась кличка, например: Илейка Ермолин и Васька Ермолин, по прозвищу Бугор. Тот же Ерофей Хабаров в Мангазее подписывался фамилией Святицкий, по названию родовой деревни.

Ученые ссылаются на косвенный документ, в котором говорится, что от первого брака у Ивана Похабова детей не было. На версию о не родстве Ивана Ивановича и Якова Ивановича Похабовых наталкивает, видимо, и челобитная Якова Похабова, служившего некоторое время под началом Ивана Ивановича. Яков сообщал воеводе, что Иван Похабов отправляет его на помощь Петру Бекетову вопреки наказной памяти, по которой он должен был оказать помощь атаману Василию Колесникову. И пишет Яков в этой грамотке об Иване Ивановиче в третьем лице, не помянув родства. Но это, скорей всего, этика деловых бумаг того времени и докладная служилого человека о своем несогласии с приказом начальствующего.

После поездки в Москву Яков Иванович Похабов вернулся в Енисейский острог в чине сына боярского. Какое-то время Яков Иванович и Иван Иванович Похабовы служили в одном остроге, в одном чине. По аналогии с другими служилыми и по традициям того времени, трудно представить, чтобы сыны боярские, тем более не родственники, различались в остроге только по крестному имени. Кто-то из них должен был получить кличку, равноправную с фамилией и ей подписываться.

Во время своей поездки в Москву и обратно, Яков Похабов должен был встретиться с подьячим Верхотурья Григорием Похабовым, поскольку путь из Тобольска в Москву проходил через этот город. Были все они родственниками или однофамильцами, на этот вопрос, возможно, могут ответить

столбцы Сибирского приказа, хранящиеся в Москве. Но их надо изучать.

Казалось бы, с Похабовыми все ясно и очевидно на уровне доступных нам документов. Но в перестроечный период появились новые статьи о жестокости Ивана Ивановича, о насильственном крещении аборигенного населения, с плохо скрытым стремлением авторов выслужить заграничные гранты, поскольку в статьях этих не было никаких других ссылок, кроме как на Фишера и его, не вполне корректных, толкователей.

В XVII веке христианизация и колонизация Сибири находились в противоречии. Сибирские митрополиты того времени благословляли миссионеров приводить все народы к вере: мусульман и буддийцев через сложный обряд, который насильственно провести невозможно, язычников, по понятиям того времени - людей без веры, крестили как детей. В то же время царь всеми приказами препятствовал этому и запрещал крестить инородцев, поскольку крещеный освобождался от уплаты ясака.

По законам того времени «ясырей», т.е. военнопленных служилые обязаны были отдавать на выкуп, а если их не выкупали – отпускать в улусы у кого там есть родственники.

Сохранились челобитные, в которых отпущенные на волю в приказном порядке умоляют царя остаться у прежних своих хозяев. Свобода и голодная смерть для них были однозначны. Таким образом, подлежащие продаже, как правило, были иноплеменными рабами у монгол или бурят. А продажа людей в то время была обыденным явлением, как среди русского населения всех сословий, так и среди инородцев.

По Российскому законодательству того времени, «холопить» и продавать на сторону, можно было только единоверцев. Но вывозить купленных холопов сибирской породы за пределы Сибири запрещалось.

Наверное, не совсем по церковному обряду совершался акт крещения язычников, перед тем, как ясыри продавались. Наверное, бывали случаи, когда ясыри, доставленные в остроги, а то и купленные в улусах, узнавали, что у иноверца на Руси прав больше, чем у христианина и начинали торговаться или отказываться от крещения, забыв прежние обещания.

Холоп на Руси и в Сибири, будучи представителем самого бесправного социального слоя, в отличие от европейского раба, имел законные права и защиту. Сословного крепостного права еще не было. Ясырей покупали промышленные и пашенные люди. В крестьянском хозяйстве того времени они имели приличный вес. Часто крестили ясырей сами крестьяне и давали им свои фамилии. Много свидетельств тому, что, отработав определенный срок, ясырь сам становился крестьянином. Богатый казак ходил в бой с охраной из двух, а то и из трех вооруженных ясырей, которые нередко и сами приверстывались в казаки.

При острогах были так называемые «крепостные столы», которые ведали домашним холопством. Среди таких «кабальных холопов», временных или постоянных, было предостаточно русских людей, взявших на себя кабалу. А среди ясырей инородцев преобладали не «тунгусы» и не «браты», а мужики и жевки мунгальской породы, т.е. самого сильного и независимого от Руси народа. Это говорит о многом и развеивает всякие нелепые домыслы.

В завершение своей версии об отцах-основателях Иркутска, мне хотелось бы сказать, что бескровных объединений история не знает. Те же монголы, чтобы объединить свои разрозненные племена, пролили монгольской крови больше, чем в следующий век, завоевав полмира. Москва, чтобы объединить разрозненные княжества, часто с помощью монголо-татар, пролила русской крови больше, чем в противостоянии Востоку и Западу. Но из всех известных объединений, или восстановлений прежнего единства, частичное восстановление империи Чингизхана, было самым бескровным.

Не без споров и стычек, но огромная территория Урала, Сибири и Дальнего Востока была пройдена и объединена русскими служилыми людьми меньше чем за век. Одним геройством первопроходцев такой феномен не объяснишь. Колонизация Северной Америки, с востока на запад, если не ошибаюсь, длилась вдвое дольше при несравнимых расстояниях.

В грамотках и отписках приказчика Верхоленинского острога Курбата Иванова не единожды упоминается, что среди бурятских племен добрая половина населения твердо поддерживала власть русского царя. Среди эвенков процент принимавших власть казачьего царя был еще выше. А границы России за Байкалом, по Нерчинскому договору, были заключены с Китаем исключительно благодаря поддержке монголов.

Но это был еще только XVII век. В XVIII-м, дворянско-европейском, сибирские казаки стали самым бесправным населением Сибири. Сбор ясака с инородцев-иноверцев с годами уменьшался. Они были освобождены от воинской повинности и других, исполняемых русским народом, при том, имели исключительные права на своих национальных территориях, судились своим традиционным судом (кроме убийств и антигосударственных действий).

На Алтае, во времена Екатерины -II, появились «кержаки» - старообрядцы, русского происхождения, приравненные к инородцам. В Якутии русские пашенные люди ассимилировали целыми деревнями до такой степени, что забывали родной язык. Те и другие считали свое социальное положение, приравненное к инородцам, великим благом и редким счастьем.

Отдельный разговор: кому во благо стали «русские завоевания» в Сибири, в Средней Азии, на Кавказе, и далее на запад до Финляндии, русской кровью освобожденной от шведского владычества? И какую благодарность получил за это русский народ?